

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОРОДСКИХ ОБЩИН И КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

Одним из важнейших процессов в политической сфере древнерусского общества являлось взаимодействие городской общины и князя как двух конкурирующих источников власти. При этом общей тенденцией являлось усиление княжеской власти в ущерб власти городской общины.

Соответственно этой тенденции расширялся круг функций, осуществляемых княжеской властью, который изначально, судя по всему, сводился к реализации судебной и военной функций.

Князь выступал в качестве военного предводителя, именно в этой роли были востребованы его профессиональные навыки и опыт, а также сила хорошо подготовленной и вооруженной княжеской дружины. Летописи часто указывают на совместный характер походов, осуществлявшихся княжеской дружиной и городским ополчением: «Иде Мьстислав с Новгородци на Чюдь, и взя градъ Медвежью Голову, на 40 Святых»¹, «Ходи Всеволод с Новгородци на Емь, и победи я...»². В ряде случаев летопись более определённо высказывается о совместном характере похода, называя отдельно и княжескую дружину, и городское ополчение: «Посла Мьстислав сыны своя, Всеволода, Изяслава и Ростислава, с дружиною их и с Новгородци на Чюдь, и взяша и, и дань на них възложи»³.

На приоритет военной функции княжеской власти указывают и другие источники, помимо летописей. Например, именно как защитник «земли» предстаёт князь в похвальном слове инока Фомы о тверском великом князе Борисе Александровиче: «Или како же мы не възвеселимся и от всех земель славимому и похваляемому государю нашему и защитнику Тверской земли, великому князю Борису Александровичю...»⁴.

Впрочем, в упомянутом «Слове» тверской великий князь не случайно неоднократно называется «самодержцем» - хотя отношения князя с городской общиной ещё не перестроены полностью, но новый подход к их выстраиванию обретает всё большую силу, а его

идеологическое обоснование получает выражение в том числе в указанном «Слове».

*© Оспенников Ю.В., 2018

Оспенников Юрий Владимирович – к.и.н., д.ю.н., профессор кафедры

Военная власть князя значительно усиливалась и расширяла своё действие в том случае, когда отношения «князь-община» выстраивались по типу «победитель-побеждённый». Слабые городские общины находились во власти князя, который решал любые вопросы, вплоть до переселения жителей города в другое место. Например, Ярополк Владимирович, захвативший г. Друцк во время похода против Глеба Всеславича, в 1116 году вывел его жителей в Переяславское княжество, основав новое поселение – г. Желни: «Ярополк Володимерич срубил град Желни Дрьючаном»⁵.

Князь и его дружина представляли существенный интерес для городской общины как профессиональные воины, эффективная военная сила. С другой стороны, большая часть текущей военной активности в прилегающих землях, разнообразные пограничные конфликты разрешались силами самой городской общины. В этом отношении можно усмотреть и определённые параллели с европейскими аналогами, и национальное своеобразие. Исследователи западноевропейского городского права подчёркивают, что военными функциями горожан обычно наделяли крупные феодалы, полагавшиеся на ополчения городских общин как на вспомогательные отряды: «Горожан, конечно, надо было обеспечить оружием, но зато они подлежали призыву на всеобщую воинскую службу для защиты города. Во многих местах, где уже исчезло народное ополчение племен и деревень германской эпохи, а феодальный набор рекрутов был не гарантирован, феодальные монархи, герцоги, графы и другие крупные феодалы очень рассчитывали на военные обязательства городов для защиты своих владений»⁶. Особенно важным здесь является указание на то, что «уже исчезло народное ополчение племен и деревень». В русских землях, напротив, ополчения городских общин сохраняли преемственность с более ранним временем, их эволюция основывалась на ополчениях первобытнообщинной эпохи.

Функции по организации обороны города и создания оборонительных сооружений возлагались на князя только в слабых городских общинах, которые находились под явным влиянием княжеской власти. В крупных и сильных городских общинах,

поддерживавших древние традиции самоуправления, задачи обеспечения обороноспособности города решались прежде всего силами самой общины. Летописи связывают строительство оборонительных сооружений и расширение пределов города в таких городах не столько с княжеской властью, сколько с первыми лицами городского управления, от которых исходит инициатива и на которых возлагается руководство общим ходом работ. В некоторых случаях инициатива исходит не только от знатной верхушки, но и от простых горожан. Например, в 1352 г. новгородские бояре и простые люди обратились к владыке архиепископу Василию с просьбой устроить на каменные башни-костры в Орешке⁷. При этом в тех регионах, где мы наблюдаем рост и усиление городских общин, происходит замена устроенных княжеской властью опорных военных постов на новые оборонительные сооружения, созданные уже горожанами. Например, А.Н. Кирпичников рассматривал возведённую в 1280 г. Дмитрием Александровичем каменную крепость в Копорье как частновладельческую резиденцию, которая, однако, была заменена «государственной крепостью» в 1297 г., поставленной новгородцами⁸.

В исследовательской литературе также нередко подчёркивается преобладающее значение общественного начала в создании оборонительных сооружений: «Подавляющее большинство древнерусских каменных укреплений были не частными, а государственными. Это обеспечивало упреждающий выбор стратегических решений, широкое привлечение сил и средств, четкую целенаправленность работ. Оборона Новгородского, а затем и Псковского государства строилась с таким расчетом, чтобы затруднить продвижение потенциального противника к столице земли ... и тем самым выиграть время для мобилизации войска. Попытки отдельных князей и бояр укреплять свои резиденции успеха не имели и в интересах борьбы с местным сепаратизмом властями пресекались»⁹.

Тем не менее, даже в городских общинах, являвших собой эталонные образцы городской независимости от княжеской власти, князья выступают в качестве заказчиков строительства церквей, что являлось необходимым следствием их общественной роли: «Заложит игумен Курьяк и князь Всеволод церковь камени, святого Георгия монастырь, в Новгороде»¹⁰, «Заложит Всеволод церковь камени святого Иоана в Новгороде, на Петрятине дворе, во имя сыновне»¹¹. Наряду с этим во многих случаях летопись сообщает о строительстве церквей без упоминания об участии

князя: «Свершиша церковь камену святыя Богородица на Торговищи...»¹², «Заложиша церковь святого Савы»¹³ и др. А в некоторых случаях даже противопоставляет, указывая отдельно на строительство одних церквей без участия князя, а других – за его счёт: «Поставиша церковь святыя Троица на Шетиници, а князь Святослав святого Николу на Городищи»¹⁴.

Сложную проблему представляет собой вопрос о степени влияния княжеской власти на формирование правовых основ жизни городских общин.

Даже крупные памятники новгородского и псковского права вызывают в этом отношении споры – в первую очередь, относительно так называемых княжеских грамот, которые упоминаются в числе источников, например, Псковской Судной грамоты¹⁵.

Неспособность князей блюсти интересы пригласившей его городской общины, использование вверенных полномочий в противоречие с традицией или для усиления личного влияния, - всё это могло привести к изгнанию князя горожанами. Например, довольно подробно описано летописцем изгнание князя Всеволода в 1136 г. новгородцами: «Новгородци призваша Псковичь и Ладожан, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша и в епископлъ двор с женою и с детми и с тещею, мая 28, и стражие стрежаху день и ношь, 30 мужь на день с оружием; и седе 2 месяца, и пустиша и из града 15, а Володимира сына его приаша; а се вины его творяху: 1-е не блюдет смеред, 2-е чему хотел еси сести в Переяславли? 3-е ехал еси с полку преди всех, а того много на початыи, велев ны к Всеволоду приступати, и паки отступити велит; и не пустиша его, донеле же инъ князь будет»¹⁶.

Восточнославянские земли представляли собой сложное единство разнородных регионов, различавшихся по особенностям социально-экономической и политико-правовой организации, в связи с чем правовые нормы, действовавшие в рассматриваемый период, к примеру, в Пскове, существенно отличались от правовых норм, действовавших в Ростове. Объясняется это своеобразием как природно-климатическими условиями, оказывавшим огромное влияние на особенности хозяйственно-экономического уклада, так и особенностями формирования городских центров. К примеру, в русских землях взаимодействие двух основных источников власти – князя с его дружиной и народного собрания крупной городской общины – в условиях XII-XV вв. вступило в новый этап, который характеризовался 1) усложнением (старшая княжеская дружина обретает собственные

экономическую мощь и политическое влияние, превращаясь в самостоятельный источник власти – боярство); 2) в разных землях формирование городов происходило под преимущественным влиянием того или другого источника власти, что определяло особенности политического устройства городской общины. В юго-западных русских княжествах, прежнем политическом центре Руси, основной политической силой с XII в. становятся бояре, группировки которых ставят и свергают князей, определяют внешнюю и внутреннюю политику. На северо-западе главенствующей политической силой являются городские вечевые собрания, из состава которых выделяется собственная аристократическая верхушка, кадровый состав которой не связан с княжеской дружиной. В северо-восточных княжествах важнейшим источником власти являлся князь, а города там возникали и развивались как «княжеские» города, со слабыми вечевыми традициями.

Эти три конкретно-исторические источника власти (князь, боярство, вече) в условно-обобщённом виде можно обозначить как монархическую, аристократическую и демократическую тенденции, действие которых можно обнаружить в эволюции любого городского центра. Аналогичные источники власти и, соответственно, аналогичные тенденции, можно выделить и в других европейских регионах, при этом для каждого будет характерна своя специфика. К примеру, в южнославянских землях отчётливо выделяются районы с преобладающим монархическим или аристократическим элементами: в приморских городах господствующего положения добился аристократический элемент, напротив, например, в городах Сербии, не имевших доступа к морю, значительным было влияние монархического элемента. Показательно, что на Балканах позднеимперский город не знал института самоуправления аналогичного общему собранию взрослого мужского населения города (вечевому собранию), равно как и более поздние средневековые города постепенно утрачивают традицию открытого всенародного волеизъявления, что указывает на сильное влияние общинно-правовой славянской политической традиции в городских общинах региона.

Наиболее яркой иллюстрацией взаимоотношений указанных элементов и соотношения их реальных сил являются в древнерусском праве так называемые договорные грамоты городских общин с князьями. На северо-западе Руси договорные грамоты оформляли приглашение князя для исполнения военной и судебной функций в городской общине,

нередко они заключались после конфликтной ситуации, произошедшей между городской общиной и князем и имели характер мирового соглашения, подводящего черту взаимным претензиям. Среди источников права Северо-Западной Руси XIII-XV вв. эта группа грамот является наиболее близкой к европейским городским хартиям по своему содержанию. Уже первые исследователи указывали на особое конституирующее значение этих грамот для общественно-политического устройства Новгорода.

Большой вклад в изучение договорных грамот внесли историки XIX в., с которых берёт начало традиция привлечения этих грамот в качестве источника по политической и социально-экономической истории. Ими же были заложены начала внешней и внутренней критики договорных грамот. С.М. Соловьёв своё исследование «Об отношениях Новгорода к великим князьям» построил на анализе договорных грамот, соотнеся их с материалами летописей, опубликовал тексты грамот и снабдил их подробным комментарием¹⁷.

В.О. Ключевский определял договорную грамоту с князем как ряд, договор в широком смысле¹⁸. Основное содержание большинства грамот, по мнению В.О. Ключевского, повторяло положения договорных грамот Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1265 и 1270 гг. Однако и эти установления основывались на «старине», то есть восходили к нормам обычного права, сложившимся ещё раньше. В.О. Ключевский выделял три сферы отношений, которые регулировались договорными грамотами: 1) судебные-административные отношения князя к городу; 2) финансовые отношения города к князю; 3) отношения князя к новгородской торговле¹⁹.

В.О. Ключевский считал договорные грамоты неполными, справедливо указывая, например, на отсутствие упоминания о важнейшей функции князя – защите Новгородской земли от внешних врагов²⁰. Здесь надо заметить, что отсутствие упоминаний об общеизвестных положениях характерно и для других источников древнерусского права. В связи с этим находится та особенность договорных грамот, на которую обратил внимание В.О. Ключевский: «...права и обязанности князя в грамотах не излагаются прямо, а лишь предполагаются; грамоты формулируют только границы прав и следствия обязанностей, т.е. способы вознаграждения за их исполнение, *корма* за боевые и правительственные услуги князя»²¹. Действительно,

восстановление прав и обязанностей, присущих князю, исследователю приходится осуществлять на основании косвенных данных, что даёт дополнительную основу для непрекращающихся споров относительно соотношения различных властных органов в Новгороде.

М.Ф. Владимирский-Буданов, специально не рассматривая договорные грамоты как отдельную группу источников права, определял их как формальные письменные договоры, обеспечивавшие самоуправление Новгорода²². Соответственно, преимущественно на основе анализа договорных грамот им был составлен подробный перечень ограничений княжеской власти²³.

М.Н. Покровский, следуя за В.О. Ключевским, подчёркивал значение договорной грамоты 1265 г. с тверским князем Ярославом Ярославичем, называя её первой дошедшей до нас новгородской «конституцией»²⁴, однако складывание основных положений «ряда» Новгорода с князьями относил ко времени третьего призвания Ярослава Всеволодовича на княжение в Новгород в 1230 г.²⁵. В целом, характеризуя договорные грамоты, М.Н. Покровский сравнивал их с международными договорами – настолько в них князь представлялся чужим новгородской городской общине²⁶.

Напротив, решительно противопоставлял международные договоры и договорные грамоты с князьями М.А. Дьяконов. По его мнению, эту группу грамот следует относить к договорам князя с народом, а возникают они из «права населения приглашать к себе на стол того или другого князя»²⁷. Соответственно, М.А. Дьяконов рассматривал новгородские договорные грамоты как разновидность повсеместно распространённых в древнерусских землях актов.

Наиболее обстоятельно разрабатывались источниковедческие аспекты изучения договорных грамот, прежде всего вопрос их происхождения. Многие исследователи полагали, что договорные грамоты, дошедшие до нашего времени, представляют собой остатки новгородского архива, который был перевезён в Москву после окончательного подчинения Новгорода при Иване III²⁸. Противоположную точку зрения обосновал в своём фундаментальном исследовании Л.В. Черепнин, согласно которому все известные договорные грамоты Новгорода с князьями являются или остатками тверского архива, вывезенного в Москву, или списками с утраченных грамот, снятыми в Москве в 70-х гг. XV века²⁹.

В современном источниковедении целое направление исследований связано с работами В.Л. Янина³⁰. В.Л. Янин рассматривал договорные грамоты как часть более обширной группы актов, регулирующих новгородско-княжеские отношения. По его мнению, договорные грамоты описывают сложившуюся в Новгороде устойчивую систему управления, в которой князь выполнял строго определённые ему функции. Все договорные грамоты либо исходят из формуляра, известного по основным докончальным грамотам, либо стремятся нарушить этот формуляр³¹.

Следует заметить, что В.Л. Яниным была предложена новая датировка многих договорных грамот. В связи с тем, что цитаты приводятся со ссылкой на тексты грамот из собрания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», в сносках датировка грамот приводится без поправок В.Л. Янина, которые в историко-юридическом смысле имеют несущественное значение.

В современной историографии к договорным грамотам с князьями обращался О.В. Мартышин, но они интересовали его не как источник права, а как источники информации о положении князя в системе органов власти Новгородской земли³².

Обстоятельное и глубокое исследование В.А. Кучкина о договорных грамотах на самом деле посвящено внешнеполитическим договорам, продолжая характерное для отечественной науки смешение этих видов источников права³³.

Ниже будут рассмотрены те элементы договорных грамот, которые позволяют отнести их к числу базовых, учредительных источников русского городского права. В этом аспекте прежде всего обращает на себя внимание разграничение полномочий представителей города и княжеской власти, а также сопутствующее определение функций князя. Основные элементы договорных грамот будут сопоставлены с аналогичными элементами в источниках городского права южнославянских земель.

Определяя властные полномочия князя, договорные грамоты прямо указывают на правовую основу его деятельности, которой является «пошлина» - обычное право соответствующей (в данном случае новгородской) городской общины: «Держати ти Новь[гор]одъ по пошлине...»³⁴. Схожие указания прослеживаются в широких хронологических границах и в различных правовых актах, которые выдавались верховными правителями в балканских землях городам с

подтверждением их особого статуса. Например, на «издревле установленный закон» как основу городского самоуправления, указывается уже в Трогирском дипломе 1107 г.³⁵, также на «издревле установленный закон» указывается в привилегиях Гейзы II Сплиту³⁶, даже в статутах XVI в. по прежнему указывается на обычноправовую основу городского права, при этом в некоторых случаях раскрывается характерная особенность передачи этой правовой традиции из поколения в поколение: «И то был совет старых мужей, которые запомнили старых господ ... князей Фаваличей, [когда] наши законы были подтверждены ... [передаваясь] от мужа до мужа по памяти [и] мы ... старые мужи ... переписали те законы и нашим младшим сыновьям заповедали»³⁷.

Основываясь на принятых в рамках данной городской общины правовых нормах, князь должен был осуществлять судебную власть – это та функция княжеской власти, которой больше всего уделяли внимание договорные грамоты. Передача судебной власти в руки князя определялась двумя основными факторами: 1) князь – стороннее для городской общины лицо, не имеющий в пределах города своих интересов. Отсюда – это идеальный кандидат для роли незаинтересованного судьи; 2) приглашая князя, городская община получала в своё оперативное распоряжение эффективную военную силу – княжескую дружину. Часть судебных пошлин, поступавшая в пользу князя и княжеских людей, представляла собой своеобразную плату за осуществление князем не только судебной, но и военной функций. Следует заметить, что в южнославянских городах трудно найти аналог такому сосуществованию княжеской и вечевой властей. Практиковавшееся в ряде городов избрание «князя» или приглашение подесты существенно отличается от описанного выше типа отношений³⁸.

С другой стороны, определяя полномочия князя, договорные грамоты акцентируют внимание на ограничениях его власти, показывая значение городских властных органов. Постоянным элементом новгородских договорных грамот является условие, что князь не должен осуществлять судебную функцию без посадника: «а бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамоть ти даяти»³⁹. Осуществление судебных функций совместно князем (или его слугами) и посадником (или должностными лицами из его аппарата) позволяло городской общине следить за тем, чтобы князь осуществлял суд, основываясь на местных, новгородских законах.

Соответственно, и на других властных уровнях сохраняло своё действие правило разделения судебной функции между княжескими людьми и должностными лицами городской общины. По Новгородской Судной грамоте в состав суда тиуна вводились два пристава, каждый из которых представлял одну из сторон (ст. 25): «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду крест поцеловав на сей на крестной грамоте»⁴⁰. В договорных грамотах это правило подтверждается: «А тиуну твоему судити в одрине с новгородцкіми приставами»⁴¹. По смыслу статьи избираемые сторонами для участия в суде тиуна приставы являлись в то же время должностными лицами. В этой связи вполне допустимо предположение О.В. Мартышина, что, возможно, «в ведомстве веча или посадника находился штат приставов, из которых каждой стороне предлагалось пригласить одного в одрину (палату) тиуна для участия в ведении их дела»⁴².

Отдельные элементы договорных грамот указывают на сложную структуру городского общества. При этом представители разных протосословных групп обладали равным правом доступа к правосудию: «А наместнику твоему судити с посадникомъ во владычне дворе, на пошломъ месте, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина»⁴³.

В этом отношении городское право проводило четкое разграничение между «своими» (членами городской общины, пусть даже относящимися к разным социальным группам) и «чужими» (членами других городских или сельских общин). Несмотря на существенные отличия в социальной структуре древнерусского и южнославянского городов, разграничение «своих» и «чужих» является общим признаком, достаточно отчетливо прослеживаемом во всех городских общинах.

При этом следует заметить, что внутренняя социальная мобильность в древнерусских городах была существенно большей, нежели в южнославянских, где довольно рано сформировался закрытый слой патрициата.

Несмотря на то, что группа договорных грамот (и отчасти, соответственно, подтвердительных грамот в южнославянских землях) достаточно хорошо сохранилась и прежде всего по ней исследователи реконструируют ранние этапы становления городского права, подлинной

основой подсистемы городского права являются обычное правовые нормы, явные следы которых обнаруживаются в праве каждой городской общины.

Библиография:

¹ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 1.

² Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 2.

³ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 3.

⁴ Инок Фомы слово похвальное // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5060>)

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 1.

⁶ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИнфраМ-Норма, 1998. С. 339.

⁷ Кирпичников А.Н. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 106.

⁸ Кирпичников А.Н. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 109.

⁹ Кирпичников А.Н. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 99.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 2.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 3.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 7.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 8.

¹⁴ Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 11.

¹⁵ Подробнее см., например: Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М., 2013. С. 7-18, 65-75.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 5.

¹⁷ Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.

¹⁸ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 58.

¹⁹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 59.

²⁰ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 62.

²¹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 62.

²² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 3. Киев-СПб., 1900. С. 71.

²³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 3. Киев-СПб., 1900. С. 71-73.

²⁴ Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. Т.1. СПб., 2002. С. 110.

²⁵ Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. Т.1. СПб., 2002. С. 111.

²⁶ Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. Т.1. СПб., 2002. С. 113.

²⁷ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 41-42.

²⁸ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928. С. 39, 44; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. С. 114.

²⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч.1. М.-Л., 1948. С. 225.

³⁰ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990; Янин В. Л. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8. С. 675-681 и др.

³¹ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 7-8.

³² Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 226-227 и др.

³³ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.

³⁴ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. №1. С. 9.

³⁵ Трогирский диплом (1107 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т.1. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Минск, 1987. С. 132-133.

³⁶ Привилегии венгерского короля Гейзы II Сплиту (1142 г.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т.1. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Минск, 1987. С. 134.

³⁷ Вепринацкий статут (1500-1507 гг.) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. I. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Минск, 1987. С. 130.

³⁸ См., например: Хроника Фомы Сплитского // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. I. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Минск, 1987. С. 136 и др.

³⁹ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. №3. С. 12.

⁴⁰ Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. I. М., 1984. С. 306.

⁴¹ Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. №77. С. 130.

⁴² Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 341.

⁴³ Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. №77. С. 130.